

01010

1962/11/03

Запись беседы Первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А.И.Микояна с премьер-министром Революционного правительства Кубы Ф.Кастро

3 ноября 1961 г.

12с

Сегодня утром состоялась двухчасовая беседа товарища А.И.Микояна с Ф.Кастро, на которой присутствовал и я.

Беседа прошла в сердечной и товарищеской обстановке. Ф.Кастро был очень оживлен и наложил все те вопросы, которые беспокоили кубинское руководство.

А.И.Микоян после взаимных приветствий передал Фиделю Кастро привет от Центрального Комитета КПСС и Ежиги

Сергеевича Хрущева, отметил, что ЦК КПСС высоко ценит деятельность товарища Ф.Кастро и всего кубинского народа, решительно отстаивавшего свободу и независимость своей страны. А.И.Микоян сказал, что ему лично приятно выполнять поручение ЦК КПСС, так как он знает Кубу, знает руководителей кубинской революции.

К сожалению, отметил А.И.Микоян, возникли некоторые расхождения во взглядах между руководством Республики Куба и нашим руководством. Посол Алексеев информировал об этих расхождениях, а также и о речи Ф.Кастро 1 ноября 1962 года, в которой он разъяснил народу Кубы позиции революционного правительства.

ЦК КПСС, подчеркнул А.И.Микоян, направил меня на Кубу, чтобы со всей откровенностью обсудить с кубинскими товарищами все неясные вопросы. Судя по приезду, сказанному на аэродроме, кубинские руководители считают эту встречу полезной. Я приехал сюда, продолжает А.И.Микоян, чтобы искренне и открыто поговорить с Вами. Сказав мне кажется, было бы полезным, чтобы Вы, товарищ Фидель Кастро, откровенно сказали мне, какие вопросы Вас беспокоят. Только говоря откровенно, можно обеспечить полное доверие и взаимопонимание. После этой беседы, как мы с Вами условились, организуем встречу с секретарями Национального руководства ОРО и подробно поговорим по всем вопросам.

В ответ на это Ф.Кастро заявил, что кубинские руководители рады вновь видеть А.И.Микояна на Кубе, поговорить с ним по важным для обеих сторон вопросам. Мы

Сергеевича Хрущева, отметил, что ЦК КПСС высоко ценит дружество товарища Ф.Кастро и всего кубинского народа, решительно отстаивающего свободу и независимость своей страны. А.И.Микоян сказал, что ему лично приятно выполнять поручение ЦК КПСС, так как он знает Кубу, знает руководителей кубинской революции.

К сожалению, отметил А.И.Микоян, возникли некоторые расхождения во взглядах между руководством Республики Куба и нашим руководством. Посол Алексеев информировал об этих расхождениях, а также и о речи Ф.Кастро 1 ноября 1962 года, в которой он разъяснил народу Кубы позицию революционного правительства.

ЦК КПСС, подчеркнул А.И.Микоян, направил меня на Кубу, чтобы со всей открытостью обсудить с кубинскими товарищами все неясные вопросы. Судя по приему, оказанному на аэродроме, кубинские руководители считают эту встречу полезной. Я приехал сюда, продолжает А.И.Микоян, чтобы искренне и открыто поговорить с Вами. Сейчас мне кажется, было бы полезным, чтобы Вы, товарищ Фидель Кастро, откровенно сказали мне, какие вопросы Вас беспокоят. Только говоря откровенно, можно обеспечить полное доверие и взаимопонимание. После этой беседы, как мы с Вами условились, организуем встречу с секретарем Национального руководства СРО и подробно поговорим по всем вопросам.

В ответ на это Ф.Кастро заявил, что кубинские руководители рады вновь видеть А.И.Микояна на Кубе, поговорить с ним по важным для обеих сторон вопросам. Мы

знаем, попутки Ф.Кастро, что Н.С.Хрущев как-то сказал, что
"ИМ КТОС есть кубинец. И этот кубинец - А.И.Микоян".
Мы можем говорить с Вами, продолжает Ф.Кастро, вполне
откровенно, мы глубоко доверяем Советскому Союзу.

Что касается вопросов, в связи с которыми, как мы
объявили народу, возникли некоторые расхождения, хочу
сказать следующее.

Вопросы эти вызваны, в первую очередь, психологи-
ческими факторами. Мне хотелось бы отметить, что в дни,
когда возникла серьезная опасность, весь народ наш по-
чувствовал огромную ответственность за судьбу родины.
Все силы народа были напряжены. Чувствовалось, что народ
едино в своей решимости отстоять Кубу. Все кубинцы готовы
были с оружием в руках выступить против агрессоров, гото-
вы были отдать свою жизнь, защищая свою страну. Весь на-
род сплотила глубокая ненависть к империализму США. В те
дни мы, даже, не арестовали никого, так как единство на-
рода было поразительным. Это единство явилось результа-
том большой идеологической работы, которую мы проводили,
разъясняя народу значение помощи Кубе со стороны Совет-
ского Союза, разъясняя чистоту принципов политики СССР.

Мы говорили народу о высоких патриотических це-
лях, которые преследуем, вооружая страну для защиты от
агрессии. Мы говорили, что стратегическое оружие - за-
лог прочности нашей обороны. Мы не проводили классифика-
цию оружия на оборонительное и наступательное, поскольку
все зависит от целей, для которых оно используется...

Говоря о психологических вопросах, хотели бы под-

сердиться, что кубинский народ нас понял. Он понял, что мы получили советское оружие, что оборонительные возможности Кубы неизмеримо выросли. Поэтому, когда Кеннеди попытался нас запугивать, народ Кубы реагировал очень решительно, очень патристически. Трудно себе представить, с каким энтузиазмом, с какой верой в победу записывались кубинцы в те дни добровольцами в армию. Народ чувствовал в себе огромные силы. Зная о действительной солидарности Советского правительства и народа, кубинцы психологически чувствовали себя сильными. Солидарность со стороны Советского Союза нашла свое материальное воплощение, стала знаменем, вокруг которого сплотились воедино силы и мужество нашего народа.

Народ Кубы чувствовал огромную ответственность перед странами социалистического лагеря, видя советское стратегическое оружие на своей территории. Он сознавал, что это могучее оружие должно быть сохранено во имя интересов всего лагеря социализма. Поэтому несмотря на то, что самолеты США постоянно нарушали наше воздушное пространство, мы пошли на то, чтобы ослабить противовоздушную оборону Гаваны, но усилили одновременно ПВО районов размещения ракет. Наш народ с гордостью сознавал свою роль защитника интересов стран социализма. Зенитчики и все солдаты, охранявшие районы размещения ракет, были полны энтузиазма и были готовы оборонять их ценой своих собственных жизней.

Напряженность обстановки росла, росла и психо-

политическая напряженность. Весь народ Кубы был готов к обороне...

И вдруг — уступки...

Уступки со стороны Советского Союза произвели гнетущее впечатление. Психологически народ наш не был готов к этому. Возникло чувство глубокого разочарования, горечи, боли. Как будто нас лишили не ракет, а самого смысла солидарности. Сообщение о демонтаже ракетных установок и возвращении их в СССР сначала показалось нашему народу наглайшей ложью. Ведь народ Кубы не знал о соглашении, не знал о том, что ракеты продолжают принадлежать советской стороне. Кубинский народ не представлял себе юридического статуса этого оружия. Он привык к тому, что Советский Союз передавал нам оружие и оно становилось нашей собственностью.

И вдруг сообщение американского агентства ИТА с тем, что "Советский премьер дал приказ советскому персоналу о демонтаже ракетных установок и их возвращении в СССР". Народ не мог поверить этому сообщению. Оно вызвало глубокое замешательство. Народ не понял самой постановки вопроса о возможности вывоза ракетного оружия с Кубы, если США ликвидируют свои базы в Турции.

Я говорил, продолжает Фидель Кастро, что за годы после революции мы провели большую идеологическую работу с народом, готовя его к пониманию идей социализма, идей марксизма. Эти идеи пустили глубокие корни в народе. Он восхищается полетом Советского правитель-

ства, учиться на примере советского народа, к которому испытывает чувства сердечной благодарности за неоценимую помощь и поддержку. Но в этот трудный момент наш народ как бы сбился с пути. Сообщение о том, что 28 октября Н.С.Хрущев отдал приказ о демонтаже ракетных установок, что инструкции об этом даны советским офицерам, что в послании нет ни одной строки о согласии правительства Кубы, потрясло народ.

Чувство разочарования, растерянности, горечи охватило кубинцев. Я выходил на улицы, въезжал в воинские части и видел, что народ не понимает этого решения.

Почему это решение принято односторонне, почему у нас забирают ракеты? Не возьмут ли обратно все, оружье? — эти вопросы волновали весь наш народ.

За какие-нибудь 48 часов это чувство горечи и боли распространилось среди всего народа. События следовали быстро одно за другим. 27 октября выдвинуто предложение о вывозе оружия с Кубы при условии ликвидации баз в Турции. 28 октября последовали приказ о демонтаже и согласие на инспекцию.

Нас очень обеспокоил тот факт, что моральный дух народа резко упал. Это сказалось и на его боевом духе. К тому же участились наглые полеты американских самолетов в воздушное пространство Кубы, а нас попросили не открывать по ним огня. Все это произвело сильное деморализующее воздействие. Чувство разочарования, боли и горечи, охватившее народ, могло быть использовано контрреволюцией.

для разжигания антисоветских настроений. Враги могли воспользоваться тем, что правовые нормы, о которых мы так много говорили народу, оказались забыты. Решение было принято без консультаций, без согласования с нашим правительством.

Никто в это не хотел верить, все думали, что это - ложь.

Во-первых, в послании не было ни строчки о предварительном согласии Кубы. Казалось бы, что это согласие - лишь элемент формальный, но Куба - это больше чем маленькая страна со своим, но маленьким народом.

Наша революция важнее чем судьба нашей страны, чем судьба самого нашего народа. Мы должны защищать и беречь нашу революцию для всего мира. Нашему народу казалось, что решения, принятые без согласования с правительством Кубы, нанесли моральный ущерб нашей революции, сказались на ее авторитете в глазах народов Латинской Америки. А о престиже нашей революции, сказал Ф. Кастро, мы всегда помним. Поймите нас правильно, народ беспокоило не чувство обиды и оскорбленной гордости, а то что наш престиж в Латинской Америке может быть подорван. Понятно, что в таких условиях многие кубинцы могли сбиться с правильного пути. Тем более, что в истории нашей страны были прецеденты ущемления нашего престижа, нашего суверенитета. Поэтому наш народ особенно к этому восприимчив. Ведь после окончания войны за независимость, американцы навязали "поправку Платта", стра-

мичав таким образом сферу действия конституции Кубы. Эта страна в силу этой "поправки" не имела права предоставлять без согласия правительства США свою территорию под иностранные военные базы. Американцы, используя эту "поправку", нагло вмешивались в кубинские дела...

И в эти дни многим показалось, что "поправка Платта" воскресла...

Во время мирных переговоров в Париже после окончания войны за независимость все вопросы решались американцами и испанцами, Кубу даже не пригласили, хотя народ Кубы сыграл решающую роль в борьбе за освобождение острова от испанского владычества.

С тех пор наш народ стал очень болезненно относиться к вопросам суверенитета. К тому же, после нынешнего кризиса юридическое положение осталось неизменным, "статус-кво" не изменился:

1. Осталась блокада, организованная правительством США. США продолжают посягать свободу мореплавания.

2. Американцы пытаются определять, какое оружие мы можем иметь. Организуется контроль. Обстановка складывается подобно той, которая существовала или существует в Марокко, Гвинее, Гане, на Цейлоне и в Йемене.

3. США продолжают нарушать воздушное пространство Кубы, а мы должны терпеть. Кроме того, без нашего согласия на вмешательство.

Все это казалось народу шагом назад, отступлением. Получается, что мы должны принять инспектирование, признать право США определять какие виды оружия мы можем использовать.

Наша революция прочно опирается на народные массы. Падение морального духа могло бы быть опасным для дела революции.

Советский Союз давно укрепился как государство, он может проводить гибкую политику, может маневрировать. Советский народ легко понимает свое правительство, безраздельно верит ему.

Куба — молодое, развивающееся государство. Наш народ очень импульсивен. Моральный фактор имеет в нашей стране особое значение.

Мы боялись, что эти решения могут вызвать трещину в единстве народа, подорвать престиж революции в глазах латиноамериканских народов, в глазах народов всего мира.

Куба служит примером многим странам. Близкие кубинской революции на алжирских руководителей очень сильные. В силу этих обстоятельств у нас нет возможностей для маневрирования, для проведения гибкой политики.

В США известие о вывозе советских ракет с Кубы вызвало огромное ликование. Американцы рассчитывают, что в нынешней обстановке облегчатся условия для активизации контрреволюции. Вся пресса США ликует.

Есть еще два вопроса. Со стороны США мы не получаем никаких гарантий, все висит в воздухе. Конечно, мы

будем в любом случае решительно бороться, но дело не в этом.

В свете современных событий нам трудно понять причины вывода советского стратегического оружия. Возникает вопрос: достаточно ли хорошо был продуман и изучен этот вопрос. Или с самого начала предполагалось, что ракеты будут выведены, а мы не знали об этом.

Мы не были досрочно информированы о намерениях и планах советской стороны. Когда Че Гевара ездил в Москву, ставился вопрос об опубликовании текста соглашения. Вопрос остался неясным. Мы думали, что главное — иметь ракеты на Кубе. Поэтому нам было так трудно поверить в то, что их возвращают в Советский Союз.

27 октября ракеты были на Кубе, мы чувствовали свою ответственность перед всем социалистическим лагерем. Народу показалось, что вывод ракет с Кубы осуществлен за счет ущемления наших национальных интересов. Если бы был поставлен вопрос об одновременной ликвидации американской базы в Гуантанамо, то наш народ понял бы это требование.

Нам было очень трудно объяснить народу сложившееся положение. Если бы эти решения были бы приняты в иной форме, то было бы легче. Если бы попросить перемирия, согласовать вопрос, мы оказались бы в лучшем положении.

Тов. А. И. Микоян заметил, что угроза агрессии была столь острой, что не было времени для консультаций.

Ф.Кастро добавил, что несмотря на его жалобы и расхождения кубинцы — верные друзья Советского Союза. Мы прежде всего марксисты — ленинцы! Между Советским Союзом и Кубой братей не будет! Мы верим в принципиальную политику Советского правительства. Мы прежде всего революционеры. Наш народ готов к борьбе, он вдохновляется примером Советского Союза. Мы будем как зеницу ока беречь дружбу с Советским Союзом, защищать узы дружбы и крепить их. И вот для защиты этих уз мы и решили выступить перед народом. Было необходимо что-то сказать, поднять дух нашего народа.

Я очень много думал, продолжал Ф.Кастро, советовался с товарищами из руководства и мы решили сказать народу о некоторых разногласиях, чтобы вырвать почву из-под ног у контрреволюционеров, которые могли бы начать антисоветскую пропаганду, ссылаясь на то, что вопросы решаются без нас.

Это выступление было необходимо с тактической точки зрения. Мы сказали, что расхождения есть, но мы их преодолеем путем обсуждения. Пусть народ не беспокоится — мы все обсудим. Мы подчеркнули огромную самоотверженную помощь Кубе со стороны Советского Союза, его правительства, его партии. Мы специально уделили большое внимание в печати Вашему заявлению, сделанному перед отъездом из Нью-Йорка. Оно имело огромное значение, произвело большой эффект. Народ должен забыть об обиде. Наша задача — полностью восстановить доверие народа. Положение нашего правительства сейчас хорошее. Мы решили,

что будет полезно обсудить расхождения, но ни в коем случае не допускать антисоветских высказываний. Дружба с Советским Союзом - это главное.

Затем в течение получаса А.И.Микоян пояснял затронутые Ф.Кастро вопросы, но это пояснение было прервано получением сообщения о смерти супруги А.И.Микояна. Запись этой части беседы будет передана вместе с записью следующей беседы.

3.XI.62 г. АЛЕКСАНДРОВ

АВЛ СССР

TRANSLATION FOLLOWS

Memorandum of Conversation between A.I. Mikoyan and Fidel Castro
3 November 1962

This morning a two-hour conversation took place between comrade A.I. Mikoyan and Fidel Castro, where I [Soviet Ambassador to Cuba Aleksandr Alekseev] was also present.

3 November 1962

Unfortunately, A.I. Mikoyan said, some differences of opinion have arisen between the leadership of the Republic of Cuba and our leadership. Ambassador Alekseev has informed us about these differences, and about the speech by Fidel Castro on 1 November 1962, in which the latter explained to the Cuban people the position of the revolutionary government.

The CC CPSU, Mikoyan emphasized, had sent me to Cuba to discuss in the most frank way all the unclear questions with the Cuban comrades. Judging by the welcome at the airport, the Cuban leaders consider this a useful meeting. I came here to speak to you sincerely and openly. And now it seems to me that it would be useful if you, comrade Fidel Castro, tell me frankly what the questions are that worry you. Only by speaking frankly is it possible to assure complete confidence and mutual understanding. As we agreed before, after this conversation a meeting will be organized with the secretaries of the National CDR [Committees for the Defense of the Revolution] leadership in order to discuss all the issues in detail.

In response Fidel Castro said that the Cuban leadership was glad to see A.I. Mikoyan in Cuba once again, and to speak with him about questions that are important for both sides. We are aware, joked Fidel Castro, that N.S. Khrushchev once said: "there is a Cuban in the CC CPSU and this Cuban is A.I. Mikoyan." We can speak to you, Fidel Castro continued, very frankly. We profoundly trust the Soviet Union.

Regarding the questions that caused some differences, as we explained it to our people, I [Castro] would like to say the following.

These questions are motivated, first of all, by psychological factors. I would like to stress that in those days when a serious danger arose, our whole people sensed a great responsibility for the fate of the motherland. Every nerve of the people was strained. There was a feeling that the people were united in their resolve to defend Cuba. Every Cuban was ready to repel the aggressors with arms in hand, and ready to devote their lives to the defense of their country. The whole country was united by a deep hatred of USA imperialism. In those days we did not even arrest anyone, because the unity of the people was so staggering. That unity was the result of considerable ideological work carried out by us in order to explain the importance of Soviet aid to Cuba, to explain the purity of the principles in the policy of the USSR.

We spoke with the people about the high patriotic objectives we were pursuing in obtaining arms to defend the country from aggression. We said that the strategic weapons were a guarantee of firmness for our defense. We did not classify the arms as defensive and offensive, insofar as everything depends on the objectives for which they are used... [Ellipsis in original.]

Speaking of psychological questions, we would like to underline that the Cuban people did understand us. They understood that we had received Soviet weapons, that Cuban defense capacities had increased immeasurably. Thus, when Kennedy attempted to frighten us, the Cuban people reacted very resolutely, very patriotically. It is hard to imagine the enthusiasm, the belief in victory with which the Cubans voluntarily enlisted themselves into the army. The people sensed enormous forces inside themselves. Aware of the real solidarity of the Soviet government and people, Cubans psychologically felt themselves to be strong. The Soviet Union's solidarity found its material embodiment, became the banner around which the forces and courage of our people closely united.

In observing Soviet strategic arms on their territory, the people of Cuba sensed an enormous responsibility to the countries of the socialist camp. They were conscious that these mighty weapons had to be preserved in the interests of the whole socialist camp. Therefore, regardless of the fact that USA planes were continuously violating our air space, we decided to weaken the anti-aircraft defense of Havana, but at the same time strengthen the defense of the missile locations. Our people proudly sensed their role as a defender of the socialist countries' interests. Anti-aircraft gunners and the soldiers protecting the missile locations were full of enthusiasm, and ready to defend these at the price of their own lives.

The tension of the situation was growing, and the psychological tension was growing also. The whole of Cuba was ready for defense...[Ellipsis in original.]

And suddenly—concessions...[Ellipsis in original.]

Concessions on the part of the Soviet Union produced a sense of oppressiveness. Psychologically our people were not prepared for that. A feeling of deep disappointment, bitterness and pain has appeared, as if we were deprived of not only the missiles, but of the very symbol of solidarity. Reports of missile launchers being dismantled and returned to the USSR at first seemed to our people to be an insolent lie. You know, the Cuban people were not aware of the agreement, were not aware that the missiles still belonged to the Soviet side. The Cuban people did not conceive of the juridical status of these weapons. They had become accustomed to the fact that the Soviet Union gave us weapons and that they became our property.

And suddenly came the report of the American [news] agency UPI that "the Soviet premier has given orders to Soviet personnel to dismantle missile launchers and return them to the USSR." Our people could not believe that report. It caused deep confusion. People didn't understand the way that the issue was structured—the possibility of removing missile armaments from Cuba if the USA liquidated its bases in Turkey.

I was saying, Fidel Castro continued, that in the post-revolutionary years we have carried out much ideological work to prepare people for understanding socialist ideas, marxist ideas. These ideas today are deeply rooted. Our people admire the policies of the Soviet government, learn from the Soviet people to whom they are deeply thankful for invaluable help and support. But at that difficult moment our people felt as if they had lost their way. Reports on 28 October that N.S. Khrushchev had given orders to dismantle missile launchers, that such instructions had been given to Soviet officers and there was not a word in the message about the consent of the Cuban government, that report shocked people.

Cubans were consumed by a sense of disappointment, confusion and bitterness. In walking along the street, driving to armed units, I observed that people did not understand that decision.

Why was that decision made unilaterally, why are the missiles being taken away from us? And will all the weapons be taken back? — these were the questions disturbing all the people.

In some 48 hours that feeling of bitterness and pain spread among all the people. Events were rapidly following one another. The offer to withdraw weapons from Cuba under the condition of liquidating bases in Turkey was advanced on 27 October. On 28 October there came the order to dismantle the missiles and the consent to an inspection.

We were very worried by the fact that the moral spirit of our people had declined sharply. That affected their fighting spirit too. At the same time the insolent flights of American planes into Cuban airspace became more frequent, and we were asked not to open fire on them. All of this generated a strong demoralizing influence. The feeling of disappointment, pain and bitterness that enveloped people could have been used by counter-revolutionaries to instigate anti-soviet elements. Enemies could have profitted because the legal rules about which we had been speaking with the people were being forgotten. The decision was made without consultation, without coordinating it with our government.

Nobody had the slightest wish to believe it, everyone thought it was a lie.

[....]

Since then our people began to address very sensitively the matter of sovereignty. Besides, after the current crisis the situation remained juridically constant, as the “status quo” did not change:

1. The blockade organized by the USA administration is still in place. The USA continues to violate the freedom of the sea.

2. The Americans seek to determine what weapons we can possess. Verification is being organized. The situation is developing in the same direction as it is or was in Morocco, Guinea, Ghana, Ceylon and Yemen.

3. The USA continues to violate Cuban airspace and we must bear it. And moreover, the consent for inspections has been given without asking us.

All of this seemed to our people to be a step backward, a retreat. It turns out that we must accept inspections, accept the right of the USA to determine what kinds of weapons we can use.

Our revolution rests firmly on the people. A drop in moral spirit can be dangerous for the cause of revolution.

The Soviet Union consolidated itself as a state a long time ago and it can carry out a flexible policy, it can afford maneuvering. The Soviet people readily understand their government, trust it wholeheartedly.

Cuba is a young developing country. Our people are very impulsive. The moral factor has a special significance in our country.

We were afraid that these decisions could provoke a breach in the people's unity, undermine the prestige of the revolution in the eyes of Latin American peoples, in the eyes of the whole world.

[....]

It was very difficult for us to explain the situation to the people. If the decisions had been taken in another way, it would have been easier. If a truce were suggested first and then the issues were coordinated, we would have been in a better position.

Comrade A.I. Mikoyan made an observation that the threat of aggression was so critical, that there was no time for consultations.

[....]

Then for half an hour A.I. Mikoyan discussed the issues about which Fidel Castro had talked, but these explanations were interrupted by an incoming report about the death of Mikoyan's wife. The transcript of this part of the conversation will be transmitted with the notes of the next conversation.

3.XI.62

ALEKSEEV

[Source: Russian Foreign Ministry archives, obtained and translated by NHK television, copy provided by Philip Brenner. Translated by Vladimir Zaemsky. Published in Cold War International History Project Bulletin No. 5.]